

Хэ Цинцы подавил вырвавшийся было наружу ледяной убийственный холод. Одной рукой он погладил Шу Шиюня по шее и за ушком, успокаивая его — тот тоже был напуган, — и бесстрастно произнёс:

— В обычные дни вы тоже так обращаетесь с Чжэнцзюнем этого вана?

Слуги и стражники, находившиеся как внутри, так и снаружи, уже пали ниц. Они не смели проронить ни слова, а по их лбам градом катился холодный пот.

Сичжао, казалось, ничуть не была затронута происходящим. Она лишь склонилась в поклоне и равнодушно ответила:

— Ван, вы не знаете. Спустя месяц после вашего отъезда император по наущению Императрицы издал указ о лишении Чжэнцзюня жалованья на полгода, а доходы от принадлежащих ему ресторанов и лавок были переданы в ведение дворца Императрицы. Если бы не помощь второго вана, нам бы не на что было даже жидкую кашу сварить.

Хэ Цинцы и раньше не питал тёплых чувств к этой Императрице, а когда почувствовал, как тело человека в его объятиях напряглось при одном упоминании её титула, к этой женщине вспыхнула ещё большая неприязнь.

— Почему?

— Когда лекари впервые диагностировали у Чжэнцзюня беременность, Императрица пригласила его во дворец, якобы чтобы одарить драгоценностями.

На этом Сичжао умолкла, и Хэ Цинцы был вынужден спросить:

— И что потом?

— Я была за пределами дворца и не знаю подробностей, но Чжэнцзюнь вышел оттуда пошатываясь, бледный как полотно, и не проронил ни звука. Спустя несколько дней пришёл указ: дескать, ван, пользуясь тем, что носит наследника, стал своенравным и высокомерным, сквернословил и вёл себя распутно, разбил ценные украшения и антиквариат в покоях Императрицы, за что Чжэнцзюнь и был наказан.

Шу Шиюнь внезапно поднял голову. С выражением глубокого терпения он принялся осторожно оправдываться:

— Цинцы, я не делал этого, правда, не делал.

— Я знаю, — Хэ Цинцы прищурился. Когда Шу Шиюнь снова уткнулся лицом ему в грудь, взгляд вана мгновенно помрачнел.

Своенравный и высокомерный? Его Шиюнь?

Ха!

Характер Шу Шиюня был слишком мягким, он с трудом мог с кем-то поссориться, предпочитая терпеть обиды, лишь бы не причинить вреда невинным. А единственное, в чём он проявлял упорство в этой жизни, — это в своём желании быть с ним рядом.

Хэ Цинцы всё понял без лишних расспросов и спросил вновь:

— А как же моё жалованье?

Даже если доходы от лавок были конфискованы, его собственная доля была немалой. Великая Ян всегда высоко ценила армию, и за победы в походах полагались щедрые награды золотом и серебром, так что княжеская резиденция не должна была дойти до такой нищеты.

— Доля господина тоже была удержана Императрицей.

Хэ Цинцы в этот момент думал лишь о том, как бы поскорее свести ту женщину в могилу. В его глазах читались злоба и жестокость.

— Она присвоила их?

— Говорят, пожертвовала беженцам.

Сичжао дала уклончивый ответ.

Раз Императрица сказала, что пожертвовала, кто посмеет усомниться?

Хотя не так давно император пожаловал десять тысяч золотых, воспользоваться ими можно было лишь дождавшись, когда Ван Аньнана лично вскрыет печати. Они, слуги, не смели даже прикоснуться к ним.

Позже Сичжао получила приказ отправиться в лучший ресторан города, купить еды и привезти её в резиденцию. Хэ Цинцы покормил Шу Шиюня, уложил его в постель и немного посидел рядом, убаюкивая его для дневного сна.

Сам он, привыкший к армейской жизни, не имел обыкновения спать днём. Он просто лежал рядом с Шу Шиюнем, обнимая его за округлившийся живот, и внимательно вглядывался в его спокойное лицо.

Сейчас Шу Шиюню тридцать четыре, он уже не так ярок и ослепителен, как в тот год, когда выходил за него замуж. Его глаза, хоть и оставались ясными, утратили былой блеск и живость, а от тяжёлых трудов и постоянных тревог в уголках глаз залегли тонкие морщинки, и в волосах на висках пробила седина.

Если судить по внешности, Шу Шиюня нельзя было назвать писанным красавцем, в лучшем случае — миловидным. Но, возможно, именно потому, что он владел лучшими годами этого человека и получил всю его беззаветную преданность, Хэ Цинцы чувствовал, что никто не мог тронуть его сердце сильнее. Одно лишь это тихое присутствие рядом рождало в душе чувство, будто они прожили целую вечность, а вокруг воцарился покой.

<http://bllate.org/book/19189/1884666>